

Луис Сепульведа

ДМИТРИЙ ПОМЕРАНЦЕВ

Четыре ноги, один хвост и девять жизней

Помнится, была такая реклама популярного газированного напитка: по пустыне едет группа велогонщиков, потом один из них бросается наперез некой большой хищной кошке и в последний момент вырывает у нее из когтей бутылку с шипучкой; в это время один из остановившихся гонщиков поворачивается к другому и говорит, делая прям-таки зверское лицо: “Вот за это я не люблю кошек”, — и тот ему отвечает с еще более жуткой гримасой: “Ты просто не умеешь их готовить”.

Чилийский писатель Луис Сепульведа кошек готовить умеет. Собственно, именно большая кошка, точнее, самка ягуара и является главной героиней его романа “Старик, который читал любовные романы”. Главным же героем книги является некий Антонио Хосе Боливар Проаньо — “крепкий жилистый старик, который, похоже, уже давно перестал обращать внимание на то, как солидно и торжественно звучит его имя”.

Колоритный этот персонаж похож одновременно и на безымянного полковника, которому никто не пишет, и на полковника Аурелиано Буэндиа, вспоминающего, как много лет

назад, стоя у стены в ожидании расстрела, он вспоминал... и на легендарного героя войны за независимость Латинской Америки Симона Боливара из романа “Генерал в своем лабиринте” (не зря же первая часть фамилии старика звучит как-то по-особенному солидно и торжественно).

Словом, несмотря на то, что затерявшееся в джунглях эквадорской сельвы небольшое селение с издевательски неподходящим названием Эль-Идилио (ничего идиллического там нет) напоминает Макондо лишь отчасти, “уши” Габриэля Гарсиа Маркеса торчат тут из каждого сплетения лиан, из-за каждой араукарии.

Все вышесказанное вовсе не означает, что книга чилийского прозаика в чем-то вторична по отношению к творчеству его колумбийского собрата по перу. Используя характерные черты и приемы так называемого “магического реализма”, Сепульведа упорно гнет свою собственную линию, главным направлением которой является нерасторжимое единство человека и живой природы. В связи с этим и сам жанр книги получился не столько магическим, сколько экологическим. Внутреннее пространство “Старика” волшебное не потому, что герои возносятся на простынях-самолетах или повелевают тучами желтых бабочек, — в этом смысле Сепульведа вполне традиционно реалистичен. Нет, чудесна сама атмосфера романа, пронизанная фантастическим разнообразием амазонской сельвы — ее звуками и красками, запахами и непрерывным движением.

Однако вернемся к нашему герою. Чего мы еще о нем не знаем? “Он охотился на тапиров, агути, капибар, ксаино — маленьких кабанов с вкуснейшим мясом, на обезьян, птиц и пресмыкающихся... Он ел, когда хотел есть, а не тогда, когда предоставлялась возможность. Ел то, что ему хотелось, а не то, на что хватило денег. Он мог выбирать любые, самые вкусные фрукты, мог отказаться от аппетитной рыбины только потому, что та из-за своей лени стала бы слишком легкой для него добычей”. Этой характеристикой автор как бы дает понять, что герой его вовсе не так прост, как могло показаться на первый взгляд. Перед нами этакий Натаниэль Бампо из сельвы — верный друг индейцев, ловкий и удачливый охотник, опытный следопыт, не столько сосуществующий с дикой природой, сколько являющийся ее естественной, неотъемлемой частью.

Волею случая — нет, не так: злою волей пришельцев-браконьеров, мнящих себя царями природы и потому хищнически истребляющих все, до чего могут дотянуться их жадные руки, ему предстоит выйти на тропу войны против опасного

зверя. Зверя, который при других обстоятельствах никогда бы не стал его врагом, но все тою же злой волей — бессмысленной людской жестокостью — был превращен в настоящую машину смерти.

Довольно скоро мы понимаем, что брутальный мачизм героя — своего рода кокон, защитный панцирь, скрывающий под собой нежную, ранимую человеческую душу. Недаром именно сентиментальные романы оказались тем единственным ключом, что позволил проникнуть сквозь первый и увидеть вторую.

Впрочем, душа Антонио Хосе Боливара и без того постоянно себя проявляет. Прежде всего, в его поступках — импульсивных, наивных, но при этом всегда искренних и благородных.

Особого упоминания заслуживает своеобразный юмор автора — грубоватый, черный, однако ни разу не злой. Чего стоит одно только подробное описание способа ловли обезьян с помощью высушенной тыквы, веревки и горсти речных камушков. Используя два наиболее характерных свойства маленьких обитателей “верхних этажей сельвы” — любопытство и жадность, герой отлавливает хитрых и шустрых зверьков практически голыми руками. Не то ли же самое продельывают с себе подобными иные “ловцы человеков”? Увы, и нам, прямоходящим и бесхвостым, подобные чувства нередко оказываются не чужды. То же самое касается и сцены ловли попугаев. Антонио Хосе Боливар попросту напоил их вусмерть, предложив в качестве лакомства забродившую мякоть папайи, а потом без всяких церемоний собрал пьянчуг, которые не то что на крыло встать — на ногах-то удержаться не могли. О том, сколь распространен сей пагубный порок среди нас, бескрылых, и говорить как-то неудобно. Любой пройдоха знает: уважь человека, поднеси ему чарку — и хоть веревки потом из него вей.

Сегодня, когда большинство из нас оторваны от живой природы, когда из флоры нам доступны лишь пожухлые кактусы и фикусы на подоконниках, а из фауны — несколько ошарашенная постоянным присутствием хозяев в квартире кошка, да еще вечно неунывающие тараканы за плинтусом, когда все мы стали пленниками джунглей, вот только джунгли эти — каменные, так приятно взять в руки (или, скажем, загрузить в гаджет) книгу, от которой так и веет резкими запахами дикой амазонской сельвы, услышать шепот пальм и лиан, крики птиц и низкий угрожающий рык животных. Это мир, чьими легкими мы дышим, чей кислород не позволяет

задохнуться нашей планете — мир бесконечно далекий, яркий и прекрасный.

О Луисе Сепульведе я впервые узнал в конце девяностых от проживавшего в Сантьяго-де-Чили журналиста-международника и переводчика Олега Ясинского. Благодаря его переводам из книги эссе “Маргинальные истории” познакомился не только с самим писателем, но и с огромным черным портовым котом Зорбасом, ставшим впоследствии главным героем одной из его сказок (эссе “Любовь и смерть”). Затем была подборка рассказов из сборника “Невстречи” в замечательных переводах Эллы Брагинской и Маргариты Жердиновской (“ИЛ”, 2020, № 8). В 2004 году на русском увидел свет “Старик, который читал любовные романы” (перевод Владимира Правосудова), а чуть позже — с легкой руки того же переводчика — сказка “Мама-кот, или История про кота, который научил чайку летать” (та самая, где главным героем был уже знакомый нам Зорбас, — эта книга стала любимым чтением моих детей). Было и отдельное книжное издание “Невстреч”, а совсем недавно по-русски заговорили еще три сказки Сепульведы: “История одной очень медленной улитки, или Как важно быть собой”, “Макс, Микс и Мекс, или История необычной дружбы” и “История пса по имени Верный”. Не так давно Московский академический театр им. Вл. Маяковского и кинокомпания “Дебют” сняли детский телеспектакль “Мама-кот”, а по просторам Рунета уже давно свободно курсируют аудиоверсии книг писателя, пользующиеся большим спросом у любителей “звучащего слова”.

В 2000 году на экраны вышел фильм “Огненная земля” с Хорхе Перугоррия, Орнеллой Мути и Нанчо Ново в главных ролях. Картину снял чилийский режиссер Мигель Литтин, уже набивший до этого руку на экранизациях произведений Алехо Карпентьера и Габриэля Гарсиа Маркеса (у последнего он даже героем одной из книг сделался). На этот раз предметом экранизации стала одноименная книга Франсиско Колоане (чилийского Джека Лондона — сурового и романтического певца морских просторов и Патагонии, своего рода южноамериканской Аляски), а в качестве одного из сценаристов выступил Луис Сепульведа, отдавший таким образом дань уважения старшему собрату по перу.

Кинематограф стал еще одной гранью творчества писателя. Через год он в качестве сценариста участвует в экранизации уже своего романа. Фильм “Старик, который читал любовные романы” с Ричардом Дрейфусом в главной роли снял голландский режиссер Рольф де Хеер. А еще через год уже в качестве режиссера Сепульведа снимает по собственному

сценарию фильм “Нигде” — драму о побеге пятерых узников чилийского концлагеря.

И раз уж мы вспомнили о полковнике Гарсиа Маркеса, не будем забывать и о другом литературном старике — кубинском рыбаке по имени Сантьяго из повести Эрнеста Хемингуэя “Старик и море”. Тут уж и вовсе, что называется, найдите десять отличий, заменив сельву на Карибское море, а гигантского мерлана — на ягуара: тот же бесстрашный стоицизм, та же гордая бедность, философский взгляд на мир и чуть ироничное к оному миру отношение, включая себя самого как неотъемлемую его часть. Едва ли речь идет о случайном совпадении — и здесь скорее дань уважения великому предшественнику. От автора одного “Старика” — автору “Старика” другого, случившегося тремя с лишним десятилетиями раньше. Об особом отношении Сепульведы к этому писателю можно судить по его короткому проникновенному эссе “Папа Хемингуэй, посещаемый ангелом”.

Не прочь автор “перемигнуться” и с другими собратьями по цеху. В рассказе “Еще одни врата неба”, чье название напрямую отсылает нас к творчеству Хулио Кортасара, герой-рассказчик гуляет по Парижу и думает о Великане (одно из прозвищ автора “Игры в классики”). В его мыслях находится место для Генриха Бёлля, “милого старины из Кёльна”, Онетти, Хемингуэя, Борхеса и Умберто Эко. Но прежде всего он думает о Великане. В голове у него вертится дата 12 февраля (в этот день в 1984 году не стало великого хронопа), а потом он заходит в кафе и встречает там... Калака и Поланко — персонажей романа “62. Модель для сборки”.

В том же рассказе позабавила одна фраза: “Если вам сейчас захотелось выпить коньячку, закурить сигарету и устроиться удобно в своем любимом месте, как это делают кошки”. Так и вижу кошку, прихлебывающую коньяк и делающую затяжку... Между прочим, Кортасар тоже был большим любителем кошек. Достаточно вспомнить его эссе “О восприятии фантастического”.

Дописывая этот материал (дело было 16 апреля сего года), заглянул в Интернет: нет ли новостей об авторе? Всегда стараюсь сухой разбор текста разбавить интересными фактами из жизни писателя. Новости на этот раз были. Точнее, одна новость. Информационные агентства наперебой спешили сообщить, что именно в этот день, 16 апреля, известный чилийский писатель — 70-летний Луис Сепульведа умер от COVID-19 в Университетской больнице Астурии в испанском городе Овьедо.

“Он много раз слышал, что прожитые годы преумножают человеческую мудрость. Оставалось только ждать и верить,

что эта мудрость наконец придет и принесет с собой то, что ему нужно: оставаться до конца дней в своем уме, быть способным управлять плаванием по морю воспоминаний и не попадаться в ловушки, которые память частенько расставляет перед человеком на исходе его дней”.

Сейчас мой восьмилетний сын Андрей читает мне вслух сказку Луиса Сепульведы “Макс, Микс и Мекс” – еще одну “кошачью” историю о дружбе, верности долгу и благородстве. Закрыв глаза, вслушиваюсь в простые, емкие фразы: “Ни одна птица не умеет летать от рождения. Просто наступает момент, когда зов воздуха становится сильнее страха упасть, и тогда сама жизнь учит птенцов расправлять крылья”. В самом конце сказки автор говорит, что неважно, долго ли, коротко ли жили потом герои, “ведь жизнь измеряется тем, насколько она полна”.

В предисловии к “Максу, Миксу и Мексу” автор, ссылаясь на некоего китайского астролога, утверждает, что в одной из предыдущих жизней он был котом. Особым расположением к кошачьему племени проникнуто все творчество Сепульведы. Как известно, у кошки – девять жизней. Жизни писателя Луиса Сепульведы – это его книги. Шесть из них уже переведены на русский. Хочется верить, что остальные тоже не за горами. А значит, наше знакомство будет продолжаться. И жизнь будет продолжаться.